

АЯКС <А. ИЗМАЙЛОВ>

В литературном мире. «По звездам» Вячеслава Иванова

Книга Вячеслава Иванова — книга для немногих, для гурманов и ценителей искусства, для «утонченников» и своего рода как бы сладострастников красоты.

На этот раз это не стихи, а свод критических статей и эстетических размышлений на самые современные темы, которыми живут верхи интеллигенции европейской и русской.

Ницше и Дионис, Вагнер и Пушкин, Бодлер и Метерлинк, Достоевский и Байрон — вот имена, которые встречаются почти на каждой странице новой книги Вячеслава Иванова.

Иванов пишет о «неприятии мира», о дионисианстве, о театре будущего, о мифотворчестве, эллинизме, символизме, и кто хочет узнать настоящее значение «неприятия мира», «мифотворчества» и т. д.¹, а не судить о них по выкрикам попугаев и критических младенцев, тому нужно читать именно эту книгу.

Книга Иванова написана цветисто. Автор — прославленный ритор. У него нет пафоса и бурной страсти.

Еще раз Иванов показывает здесь основные свойства своего дарования, — его суховатую рассудочность, умение пользоваться всем арсеналом учености, образами античной старины, мифами и т. д.

Вдохновение не осеняет его, но ум его всегда напряжен.

Иванов почти сплошь не говорит, а вещает. Как в стихах, он и здесь звенит архаическими словами, стряхивает пыль с библейских, египетских и эллинских образов.

Здесь опять и «вневременные пажити», «глубинные корни», и «узывно-унылые звуки», и «фонтанные лепеты», и «страдаль-

ные преломления», и вся образность риториков масонства — вплоть до «распятия любви» на «кресте греха».

Чувство стиля не мешает, однако, В. Иванову писать тем типично профессорским языком, который давно перестал быть русским:

— Мы только дифференцировались, и нашу дифференциацию принимаем за индивидуализм. Но принцип дифференциации мы обратили и на самих себя. Наше я превратилось в чистое становление, т. е. небытие... Мы скорее священнослужители и тирсоносцы во имя индивидуализма, чем его субъекты... и т. д.²

Или:

— Тогда только человек находит свое предвечное воление и делается страдательным орудием живущего в нем бога. Тогда впервые говорит он свое правое да своему сокровенному богу, свое сверхличное Да — уже не миру, а сверхмирному, тогда впервые волит творчески...³

«Так он писал, темно и вяло, что модернизмом мы зовем»⁴.
Читаешь, переводишь и думаешь:

— Как досадно, что автор сам не перевел своей книги на русский язык.

Этот приват-доцентский язык, сменяющийся иногда не лишенным стильности риторическим цветословием, под конец утомляет. Искусственные цветы, изысканно придуманные образы.

Это в целом понижает достоинство книги, ограничивает круг ее читателей литературными экспертами и гастрономами.

1909

